

Г. И. Берестнев

**«ТОЛЬКО ВО СНЕ СДАЛОСЯ, БУДТО НА СВЕТЕ ЖИЛОСЯ»:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СОЗНАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК)**

Показана совокупность идейных позиций, вскрывающих отношение к жизни и смерти носителя русского лингвокультурного сознания, по данным пословиц и поговорок. Объяснена специфика этих позиций, в связи с чем дано дополнительное толкование ряда примеров. Таким путем выявлены основания жизненного пессимизма русских, показана идейная база черного юмора в данной лингвокультурной традиции.

The article describes the set of maxims, revealing the attitude to life and death, typical for the Russian linguistic-cultural consciousness, on the basis of Russian proverbs and sayings. The author explains the specificity of these maxims, and provides an additional interpretation of several examples. In conclusion, the author explains the reasons for the general sense of pessimism of the Russians and reveals the fundamental intellectual basis for black humor in the analyzed linguocultural tradition.

Ключевые слова: лингвокультурология, семантическая реконструкция, семантические категории, жизнь, смерть.

Keywords: linguocultural studies, semantic reconstruction, semantic categories, life, death.

Категории жизни и смерти относятся к числу глубинных и ключевых в любом лингвокультурном сознании. Не случайно они занимают важнейшее место в мифологической картине мира, а оппозиция «жизнь — смерть» входит в комплекс бинарных противопоставлений, составляющих наиболее универсальное средство описания семантики представлений человека о действительности [7, с. 162].

Важно отметить, что жизнь и смерть в разных культурных условиях могут получать разные (зачастую противоположные) оценочные характеристики. Так, обычно жизнь оценивается позитивно, а смерть негативно — она представляется в пугающих образах костлявой и безобразной старухи с косой, в виде скелета с часами и мечом или серпом, змеи, льва, скорпиона, пепла и др. [5, с. 306]. При этом в индуизме смерть символизируется очаровательной девушкой или танцором, причем Шива — танцующий бог и вместе с тем бог смерти и разрушения [5, с. 306]. Одновременно и жизнь может получать негативную оценку — при рассмотрении ее как движения к смерти (*Media vita in morte sumus* («Смерть — венец жизни»), — пелось в одном средневековом католическом гимне) или в плане функциональной инверсии ее символических репрезентаций. Так, огонь — стихия разрушения и вместе с тем созидательная и возрождающая стихия, дарующая новую жизнь: в огне сгорает и обретает новую жизнь Феникс [3, с. 352 — 353].



Такая амбивалентность смерти и жизни проявляется и во многих других аспектах. В частности, смерть позитивна в том плане, что она обеспечивает переход от одного способа существования человека к другому, более высокому — воссоединяет тело с землей, а душу с Духом. В связи с этим кончина понимается как «второе рождение», а сопровождающий ее обряд во многом сходен с обрядом родов [8, с. 359]. Обычно от смерти бегут, но в каких-то условиях она может быть желанна и в субъективном плане позитивна. Эта идеология получила обрядовое воплощение: как считали крестьяне Владимирской губернии, человеку, желающему собственной смерти, следует потянуть покойника за саван [9, с. 144].

Подобная близость жизни и смерти, оценочная обратимость этих категорий и вместе с тем особая содержательная наполненность мысли о смерти, часто связываемой с глубоко философскими смыслами, — все это закрепилось в русском лингвокультурном сознании и представилось в пословицах и поговорках. При этом наблюдаемая порой идейная противоречивость конкретных примеров находит объяснение в разнообразии точек зрения человека на обстоятельства жизни и смерти и практически всегда имеет под собой объяснимые логические основания. Выявление этих оснований при реконструкции представлений о жизни и смерти особенно важно потому, что именно они связывают внешний мир культуры и внутренний мир человека с его ценностными системами.

Исходя из этого по данным пословиц и поговорок можно определить, с одной стороны, внешние характеристики жизни и смерти в русской лингвокультурной традиции, а с другой — реконструировать закрепившиеся в данной традиции аспекты их глубинного, философского осмысления человеком.

1. Внешние характеристики жизни.

Жизнь открыта человеку в своей данности, но ее осмысление производится лишь в самых очевидных аспектах. Она трудна, но человек знает ей цену и дорожит ею — ср.: *Жизнь наша (моя) не краденая; Кому жизнь не мила! Кому жизнь надоела! Свет (жизнь) не надокучит. Кому жизнь надокучила?*

1.1. Жизнь трудна. Одновременно в русском лингвокультурном сознании трудность жизни определяется и как фактор сугубо негативного отношения к ней. В случаях такого рода жизнь выводится в зону отрицательной оценки и фактически соотносится со смертью — ср.: *Жизнь пережить — не поле перейти; Жизнь прожить, что море переплыть; Век изжить — не рукой махнуть (не рукавицей тряхнуть); Жить — не сено трясти, а надо домок свести; Живется, что в уброд бредется (уброд — рыхлый снег); Жить — кряхтеть; Тяжко на свете жить; Тяжел крест, да надо несть; Не житье, а каторга; Житье — вставши, да за вытье; Эта жизнь хуже смерти; Эта жизнь и смерти не стоит.*

Такая трудность жизни обычно связывается с необходимостью много и тяжело работать — ср.: *Тяни лямку, пока не выкопают лямку! Жили, жили, да и жили порвали; Тяни, гужи порви, пав, да умри!*



1.2. Жизнь дана свыше (Богом) и должна быть хорошо прожита. В русском лингвокультурном сознании жизнь оценивается и в религиозно-нравственных категориях — как данная человеку свыше, чтобы он имел возможность творить добро: *Жизнь дана на добрые дела; Жив, да не годеи; Жив, да покойника не стоит; Игла служит, пока уши, а люди, пока души*. В силу этого живой человек принадлежит миру живых, а мертвый — миру мертвых: *Кто жить не умел, того помирать не выучишь; Жизнь на нитке, а думает о прибытке* (в последнем примере выражена мысль о том, что перед смертью человек должен оставить житейские помыслы и сосредоточиться на вечном).

1.3. Жизнь греховна. В христианском православном сознании отрицательная оценка жизни связывается прежде всего с представлением о ее греховности. Эта греховность с необходимостью проистекает из телесной формы человеческого существования — ср.: *Жив во плоти, что свинья в обороти*. В данном примере отрицательная семантика определяется основанием сравнения живущего человека (свинья) и прагматикой дополнительной детали, метафорически представляющей идею неволи (ср.: *обороть* 'недоуздок, конская узда без удила и с одним поводом, для привязи'; *оборотка снята и воля дана, обратять парня* — шуточн. 'женить', *На деньгу обрати не накинешь* [2, т. 2, с. 616]).

Соответственно, менее греховным является тот человек, кто ослабил связи с жизнью, заснув, или кто просто умер: *Больше жить — больше грешить; Ночь во сне, день во зле; Не грешит, кто гниет (кто в земле лежит); Меньше жить — меньше грешить*.

Подобная неизбежность греховной телесной жизни человека ведет к оценочной инверсии в лингвокультурном сознании русского человека и идейному компромиссу, при котором сам грех мыслится как необходимое условие жизни или выводится в сферу высших компетенций — ср.: *Во грехах, да на ногах; Грешны, грешны, а щип лакаем; Поколе Бог грехам терпит, да голова на плечах*.

1.4. Жизнь — пустяк. В практической сфере для русского лингвокультурного сознания характерно уважительное отношение к жизни, признание ее высокой ценности, хотя порой оно обретает оттенок цинизма — ср.: *Одна (дорога) голова на плечах; Живая кость мясом обрастает; Живем, пока мышья головы не отъела; В живом больше барыша; В живых больше корысти*.

Однако в этом плане имеет место и обратное: ценность жизни подвергается сомнению или вообще отрицается: *Жизнь — копейка, голова — наживное дело*¹. В крайнем случае предлагается относиться к жизни легко и беспечно и с оглядкой на смерть: *Живи, да не тужи! Живи, не тужи: помрешь, не заплачешь; Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть*.

¹ В романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» приведена переработка этой поговорки, усиленная упоминанием всех основных сторон бытия: *Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка*. Эта реплика секунданта должна была подтолкнуть Грушницкого к проявлению (в данном случае лишь видимому) полного безразличия к собственной судьбе — жизни или смерти. Еще более определенной отмеченную установку делали начальные слова этой реплики: *Не бойся, все вздор на свете!*. Лермонтов имел в виду, что обесцененность жизни лишает человека страха за нее.



1.5. *Жизнь противостоит смерти, но и близка ей.* Данная идеологема выражается как с позиции жизни, так и с позиции смерти. При этом в первом случае более «сильно» показывает себя жизнь (ср.: *Живой смерти не ищет; Живой в могилу не ляжет; Живому нет могилы; Живот смерти не любит*). Во втором случае более «сильной» оказывается смерть, которая, напротив, мыслится в преобладании над жизнью (ср.: *Нет живой пропасти; Смерть живота не любит*). В том и другом случае смерть и жизнь составляют категории, логически противопоставляемые друг другу.

Однако иначе соотношение жизни и смерти раскрывается при их более глубоком, философском осмыслении русским традиционным лингвокультурным сознанием.

2. Внешние характеристики смерти.

Сущность смерти скрыта от человека — это для него великая тайна. Потому и смерть осмысливается человеком лишь в самых немногих внешних аспектах. В частности, уже отмечалось, что «смерть неизбежна, predetermined судьбой, но время и обстоятельства своей смерти человеку знать не дано» [8, с. 359]. Любая жизнь заканчивается смертью, и в этом проявляется более сильная ее позиция по отношению к жизни.

2.1. *Смерть неизбежна.* Особенность этой идеологемы составляет то, что для ее реализации используется набор моделей, которые своими концептуальными основаниями определяют факторную специфику неизбежности смерти для человека. Так, смерть может определяться темпоральным фактором: она приходит к человеку просто со временем, по истечении срока его жизни (*Сколько ни жить, а смерти ни отбыть (не миновать); Придет время, все лягут в могилку*). Неизбежность смерти может связываться и с неудовлетворительностью неких внешних условий. Так, от грядущей смерти человека не спасают ни физическая сила, ни духовное напряжение: *От смерти ни отмолотишься, ни открестишься; От смерти ни крестом, ни пестом*. Не спасают от нее и деньги: *От смерти не откупишься (откупа не дашь)*. От смерти невозможно в самом прямом смысле слова убежать или каким-либо образом укрыться: *Бегать смерти — не убегать (т.е. не уйти); Груню (рысью) от смерти не уйдешь; От смерти не спрячешься (не уйдешь); От смерти некуда деваться; От смерти и под камнем не укроешься*. От нее не спасает, наконец, умение радоваться жизни: *Сколько (как) ни ликовать, а смерти (гроба) не миновать*.

Кроме того, отмеченная идеологема получает дополнительное обоснование в переводе семантики смерти из рамок реальной модальности в модальность долженствования. Умереть — это то, что человек должен сделать со временем: *Когда-нибудь умирать надо; Сколько ни живи, а умирать надо*.

2.2. *Смерть приходит внезапно.* Это еще одна важная очевидная особенность смерти. Человеку не дано знать время окончания своей жизни (*Никому неведом час Страшного суда; Никто живой предела своего не изведal*), поэтому он всегда должен быть готов умереть. Почему это важно, русская лингвокультурная традиция тут же не объясняет. Но



она напоминает человеку о внезапности смерти и, по сути, предписывает жить в постоянном ожидании ее. На это указывают такие примеры: *Смерть берет распахом; Смерть нахрапом берет; Жить надейся, а умирать готовься! Жил долго, а умер скоро; Жил помаленьку, а помер вдруг; Живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься; Живи на двое: и до веку, и до вечера (т.е. будь готов); Смерть на носу, а будь на кресу (арханг. готов).*

В плане жизни с постоянной мыслью о смерти отмечаются и более определенные примеры, показывающие, что для русского лингвокультурного сознания смерть должна быть постоянным коррелятом жизни. Ср.: *Житейское делай, а смерть помни! Избу крой, песни пой, а шесть досок пачи! Житейское (мирское) твори, а к смерти гребись! Жди, как вол обуха, а не дрогни!*

2.3. *Смерть необратима.* Эта ее особенность естественным образом отмечается с точки зрения живых: тот, кто умер, не может вернуться к жизни. Способ моделирования этой концепции – сложная метафора пути в одну сторону, ориентирами которого выступают связанные со смертью земные объекты (могила, кладбище, погост и др.). Ср.: *На тот свет отовсюду одна дорога; Плетью (розгой) в могилу не вгонишь, а калачом не выгонишь (не выманишь); Мертвые с погоста не ходят; Узка дверь в могилу, а вон – и той нет.*

3. Глубинные характеристики жизни и смерти.

3.1. *Жизнь близка смерти.* Эта идеологема реализуется в двух аспектах. Первый – «жизнь имеет своей целью смерть». Согласно этой установке, вся жизнь человека есть движение к смерти, и основная категория, в рамках которой это движение осмысливается, – время. Такое время измеряется единицами разного масштаба – часами, днями, сутками; оно может мыслиться как темпоральная протяженность вообще. Но всякий раз человек считается принадлежностью времени. Ср.: *Час от часу, а к смерти ближе; День к вечеру – к смерти ближе; День да ночь – сутки прочь, а все к смерти поближе; День за день (день ото дня, день по дню), а к смерти ближе (а от смерти не дальше).*

Второй аспект отмеченной выше идеологемы – «жизнь коротка, и за ней следует смерть». Пословицы и поговорки с этой семантикой отличает специфическая образность, дополнительно представляющая их философский пессимизм. Ср.: *Промеж жизни и смерти и блошка не прыскалит; От жизни до смерти – шаток; От бани до мазарок (могилки) недалеко; День долог, а век короток; Жизнь (человека) коротка, да погудка долга (Век короток, да погудка долга).*

В первом примере содержится метафора, основанием которой выступает блоха с ее относительно небольшими, но чрезвычайно быстрыми прыжками². Во втором примере используется слово *шаток*, связан-

² Установлено, что в длину блоха способна прыгнуть на расстояние 0,18 м. Однако необычайно высока скорость ее движения в начале прыжка – она достигает 1,9 м/с. Таким образом, в данной поговорке значим временной аспект «блошиного скака»: время жизни человека от рождения до смерти пролетает очень быстро, быстрее, чем прыгает блоха.



ное со словами *шатанье, шатка, шат* 'качка, тряска, колебание', выражающими идею незначительного движения [2, т. 4, с. 623]. Исходя из этого *шаток* в данном случае — метафора едва заметного движения. В третьем примере значима уже метонимия бани, в которой не только мылись, но и рожали детей (а также лечились, гадали, осуществляли некоторые магические акты и др.). В четвертом примере слово *век* выступает в своем основном значении, как 'срок жизни человека' (ср.: *Выьем по полной, век наш недолгий; Прежде веку не помрешь* [2, т. 1, с. 330]), а смысл поговорки примерно таков: «каждый день с его трудами и заботами тянется для человека долго, но вся жизнь пролетает быстро».

Более сложен для толкования последний пример. Согласно В. И. Даю, одно из значений слова *погудка* — 'напев, голос, песня, поголовка, наголовка, мотив' [2, т. 3, с. 158]. Учитывая общий контекст поговорки, можно предположить, что в ней сравнительно непродолжительной жизни человека противопоставляется ее след, представляемый метафорически как ее «мелодия».

3.2. *Смерть всегда рядом*. Представленность этой идеологемы в русских пословицах и поговорках имеет две особенности. Во-первых, смерть в них противопоставляется мыслям человека: она позиционируется как нечто очень близкое к человеку в пространственном отношении, а мысли — как способные обращаться к неограниченно далеким объектным сферам (*Думка за горами, а смерть за плечами; Ум за морем, а смерть за воротом*). Во-вторых, идея близости смерти к человеку в таких пословицах и поговорках представляется с разных масштабных позиций, но предел уменьшения такой масштабности — телесный человек как таковой. Ср.: *Смерть за порогом; Бойся бога: смерть у порога; Смерть не за горами, а за плечами; Смерть на пядень; Смерть на носу; На волосок от смерти; Рубаха к телу близка, а смерть ближе; Рубаха на теле — смерть в плоти*.

3.3. *Смерть — активная стихийная сила*. Отмечается целый ряд пословиц и поговорок, в которых смерть представляется как некая бессмысленная сила, не контролирующая сама себя и недоступная волевому и деятельному контролю со стороны человека. При любых условиях она оказывается сильнее. И в этом плане между человеком и смертью возникает соперничество, в котором человек неизменно проигрывает, ср.: *Не ты смерти ищешь, она сторожит; Смерть ни на что не глядит; Смерть сослепу лютует; От всякой смерти не набережешься; От смерти не посторонишься*.

Более того, смерть в этом плане оказывается сильнее самой жизни и всего того, что она дает, ср.: *Живот животы дает, а смерть все отберет* (в данной поговорке *живот* — 'жизнь человека и животного', а *животы* — 'все движимое имущество, богатство' [2, т. 1, с. 539–540]).

3.4. *Смерть предопределена*. Стихийность смерти своей противоположностью имеет ее осуществление в особое время, которое определяется как *пора* — некий оптимальный для реализации какого-либо события темпоральный отрезок (*пора спать, пора собирать урожай, пора жениться*, см.: [1, с. 16–18]). Эта идея представлена в имеющихся приме-



рах самым непосредственным образом: *Без поры душа не выйдет; Умирает не старый, а поспелый*. И с этих позиций смерть осмысливается как частное проявление судьбы, что также обозначилось в поговорках и пословицах — ср.: *Бойся, не бойся, а без року нет смерти! Смерть да жена Богом суждена* (последний пример взят из [6, с. 240]). Есть основание говорить даже, что смерть в русской лингвокультурной традиции — один из ликов судьбы.

3.5. *Смерть — божество, недоступное рациональному осмыслению*. В русском лингвокультурном сознании смерть мыслится на двух уровнях: в обычной дискурсивной практике, оперативные единицы которой составляют языковые категории и концепты, и в непосредственном восприятии событий жизни, осуществляемом помимо языка (с точки зрения современной лингвистики это уровни слабой и сильной семантики, см.: [4, с. 26–27]). И если разговоры о смерти считаются вполне нормальными и допустимыми (а порой обретают оттенок цинизма, ср.: *В могилке, что в перинке: не просторно, да улежно; Умирать — не лапти ковырять* (т. е. не мудрено): *лег под образа, да выпучил глаза, и дело с концом; Мертвым (мерзлым) телом хоть забор подпирай!*), то ее непосредственное восприятие вызывает у человека благоговейное почтение. И он замирает перед смертью, как перед Высшей Силой, ср.: *Смерть не свой брат — разговаривать не станешь; Перед смертью не согрubiшь (не слухавишь); На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь; Перед судьей, да перед смертью замолчишь*.

Как же с этих позиций определяется страх смерти у человека, принадлежащего русской лингвокультурной традиции? Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, русский человек, как и всякий другой, ее боится (*Всякий живот боится смерти; Живой смерти боится*), однако при этом уточняется, что этот страх возникает при непосредственном столкновении со смертью (*Видимая смерть страшна; В очью смерть проберет*). С другой стороны, русского человека смерть особенно не пугает: *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*. Более того, страх смерти осуждается, и об этом также говорится в поговорках и пословицах: *Умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего; Бойся, не бойся, а смерть у порога; Бойся, не бойся, а гроб теши! Дом строй, а домовину ладь! Смерти бояться — на свете не жить*.

Смерть вызывает страх по двум другим причинам, гораздо более серьезным. Прежде всего, это грехи, которые делают проблематичным все посмертное существование человека. Именно их следует бояться, умирая: *Смерть по грехам страшна. Не бойся смерти, бойся грехов! Не бойся смертей, бойся чертей! Невинная (неповинная) душа не пристрашна (не боится) к смерти*. Именно поэтому *Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает*.

В связи с этим определяется и вторая причина страха смерти: человек боится смерти без исповеди и покаяния — такой, которая закрывает врата в «жизнь вечную». Он признает, что внезапная кончина, в общем, желанна для каждого: *Легче всех нечаянная смерть; Нежданная смерть — находка; Срядился, да и умер; Собрался жить, взял да и помер*. Однако гораздо более желанной для него является смерть, к которой можно подгото-



виться очищением своей души, поэтому и говорили: *Избави бог от наглой смерти!* (здесь *наглый* – западн. ‘внезапный, нечаянный’ [2, т. 2, с. 393], ср. также: *Смерть без покаяния – собачья смерть; Дай Бог умереть, да дай Бог покаяться!*)

Таким образом, идея смерти преобладает в русском лингвокультурном сознании над идеей жизни. Вот почему носитель данного сознания близок смерти, не боится ее. Он говорит себе и тому, кто рядом: *Бойся жить, а умирать не бойся! Жить страшнее, чем умереть.*

Работа выполнена при поддержке РФФИ – грант № 16-04-00034-ОГН «Язык и познавательные эффекты “черного юмора”».

Список литературы

1. Берестнев Г.И. Языковая реконструкция идеологии сакрального: СПОРИНА // Филологические науки. 2007. №5. С. 14–23.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1880–1882.
3. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994.
4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
5. Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995.
6. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. М, 1999.
7. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 161–164.
8. Толстая С.М. Смерть // Славянская мифология : энциклопедический словарь. М., 1995. С. 358–360.
9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этногр. бюро князя В.Н. Тенишева: (На прим. Владимир. губернии) / авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.

Об авторе

Геннадий Иванович Берестнев – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: berest-gen@mail.ru

The author

Prof. Gennady I. Berestnev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: berest-gen@mail.ru